

Глава 2

Моделирование языковой личности составителя “Повести временных лет” и интерпретация лексических замен как результатов развития книжно-письменной традиции русской средневековой анналистики.

В данной главе на материале избранных летописных статей и в соответствии с предложенной методикой осуществляем исследование ЯЛ составителя ПВЛ.

В первом пункте параграфов рассматриваем текстологические, литературные или иные особенности, учет которых необходим при анализе летописного сообщения.

Следующие два пункта в каждом параграфе посвящены собственно исследованию ИЯЛ: во втором пункте описывается история создания летописной статьи ПВЛ (на основе сопоставления книжно-письменных традиций ПВЛ и использованных в ПВЛ источников); в третьем пункте на материале ЛЗ мы выясняем сохранность литературного наследия составителя ПВЛ, а также определяем трансформации, привнесенные в книжно-письменную традицию ПВЛ во время исторического бытования этого памятника письменности в составе летописных сводов, отразившихся в анализируемых нами летописях XIV – XV вв.

2.1. “Призвание варяжских князей в 862 (6370) г.”

2.1.1. Текстология и состав летописной статьи. Традиционно “Призвание...” атрибутируется как один из архаичных пластов ПВЛ, так как читается в Н1Л, возводимой А.А. Шахматовым и его последователями к тексту гипотетического “Начального свода”, предшествующего ПВЛ. Н1Л, согласно представлениям А.А. Шахматова, М.Д. Приселкова и др., наиболее полно сохранила новгородскую ветвь летописания и передает текст предполагаемого “Новгородского Владычного свода”. Иные из дошедших до нас новгородских летописей входят в группу Новгородско-Софийских летописей и представляют собой контаминацию новгородского и

общерусского летописания, что значительно затрудняет текстологическую реконструкцию чтений ПВЛ в фрагментах, где основные списки ПВЛ – летописные своды сер. XIV – н. XVI вв. не имеют параллелей Н1Л. С другой стороны, использованный в Новгородско-Софийской группе источник отражает более древний протограф русских летописей, чем протограф “основных списков” ПВЛ [Гиппиус 2002, с. 82 – 83].

А.А. Шахматовым чтения, общие для “основных списков” ПВЛ, не читаемые в Н1Л, возводились непосредственно ко второй редакции ПВЛ (1116 г.). К таковым в разбираемой летописной статье относятся извлечение из “таблицы народов” (к Р҃си: сице бо ся звахѹть ти варязи Р҃сь, яко се друзии зовѹться Ѡвен, друзии же Урмане и Англяне, инии Гѹти, тако и си...) [Шахматов 1916, с. 19]; и пространная вставка со слов: “... и раздая мѹжемъ своимъ грады...” до “... Рюрику же княжаста в Новѣгородѣ [Шахматов 1916, с. 20 – 21]. А.А. Шахматов относил к деятельности составителя ПВЛ введение библейских цитат, повествование о расселении славян и извлечения из Хроники Г. Амартола, что позволяет трактовать указанные чтения как вставки из этих фрагментов. Однако в настоящее время шахматовская интерпретация встречает ряд возражений. Так, М.Х. Алешковский на основе выявленных структурных аналогий вставочных чтений доказал, что вставки из Библии производились на протяжении XI в. еще на этапе становления “Начального свода” и читались уже в нем, хотя и менее подробно, чем в ПВЛ [Гиппиус 2001, с. 149 – 154].

В свою очередь, сам “Начальный свод” на основе анализа содержания возводим к “Древнейшему своду”, датируемому к. X в. (Л.В. Черепнин, Б.А. Рыбаков) – н. XI в. (А.А. Шахматов, М.Д. Приселков, Д.С. Лихачев, А.Н. Насонов) [Гиппиус 2001, с. 177]. Существуют основания предполагать, что “Призвание...” читалось уже в нем наряду со сказаниями “О начале Русской земли”, “О первых русских князьях”, “О крещении Руси” (в первоначальном варианте) [Тихомиров 1979-б, с. 48].

Долгое время “Начальный” и “Древнейший” летописные своды

оставались сферой научных догадок; однако в настоящее время текстологическая гипотеза А.А. Шахматова получила лингвистическое подтверждение (выявлены языковые приметы текстологических пластов, очерчен круг восходящих к ним чтений [Гиппиус 2001, с. 162]), что позволяет использовать эти элементы реконструкции А.А. Шахматова в нашем исследовании.

“Основные” списки ПВЛ также не обнаруживают единства в передаче текста “Призвания...”. Так, в ИЛ, ХЛ, РЛ и АЛ читается отсутствующее в ЛЛ и НЛ “Ладожское предание”: “... кѣ словѣномъ первое, и сѣрѣвиша городъ Ладогѣ, и сѣде старѣишии въ Ладозѣ Рюрикѣ, а другыи Синеусѣ на Бѣлѣозерѣ, а третии Труворѣ въ Изборьстѣ. И отъ тѣхъ Варягъ прозъвася Русская земля. По дѣвою же лѣтѣ умре Синеусѣ и братъ его Труворѣ, и прия власть Рюрикѣ всю единѣ. И пришьдѣ к Ильмерю, сѣрѣви городъ надъ Вѣлховѣмъ, и прозъваша и Новѣгородѣ, и сѣде тѣ, кѣняжа, и раздая мужемъ своимъ волости и города рубити...” [Шахматов 1916, с. 20], которое, наряду с параллелями в статьях 1096 г. (“Угра же сѣуть людѣе языкѣ нѣмъ и сѣсѣдятся сѣ самоѣдѣю на полнощныхъ странахъ” и пр. [8; с. 82 – 83]) и 1114 г. (“и сѣуть и еще мужи старии ходили на Югрѣ и за Самоядѣ, яко видѣвше сами на полнощныхъ странахъ” и пр. [Шахматов 1938, с. 83]), – дало А.А. Шахматову возможность противопоставить основные списки как следующие за второй редакцией Сильвестра (1116 г.) или за третьей редакцией (1118 г.). Соотношение дошедших до нас сводов осложняется утратой первоначального текста ПВЛ и смешением текстов второй и третьей редакций. Так, очевидно влияние протографа, отражающего редакцию 1118 г., на РЛ и АЛ(содержат “Ладожское предание”), тогда как в целом эти летописи следуют первой редакции [Гиппиус 2001, с. 79].

Таким образом, летописная статья 862 г. берет истоки в глубокой древности, дошедший до наших дней текст представляется осложненным редакторской переработкой, а историческая судьба “Призвания ...”

дискуссионной.

2.1.2. Моделирование языковой личности. Так как списки Новгородской первой летописи младшего извода (Н1Л) относительно основных списков ПВЛ обнаруживают существенные расхождения, при исследовании лексикона нами было принято решение проанализировать частотную лексику не только в ЛЛ (как в одном из основных списков ПВЛ), но и в Н1Л, передающей чтения “Начального свода”, а также в реконструированных А.А. Шахматовым чтениях “Начального свода”, использованных в ПВЛ [Шахматов 1916, с. 21 – 22]. При исследовании частотных доминант использовался программный продукт TextAnalyst 2.01 [TextAnalyst 1997 – 1999]. Данная программа работает на базе “Грамматического словаря русского языка” А.А. Зализняка, поэтому нами была произведена морфологическая адаптация лексем. В ходе анализа нами обнаружены следующие частотные доминанты: **варяги** (6), **город** (6), **Рюрикъ** (4), **Новгородъ + новгородцы** (2+2) в Лаврентьевской летописи; **варяги** (7), **Игорь** (6), **словени** (6), **кривичи** (5), **Аскольд** (5), **Дир** (4), **Новгород + новгородцы** (3+2), **княжити + князь** (4+2), **городъ**(4) в Новгородской первой летописи младшего извода по Комиссионному списку; **варяги** (3), **Новгород** (3), **земля** (2)¹. Выявленные лексеммы позволяют констатировать “северный” характер рассказа о начале древнерусской государственности, что противоречит версии о киевском происхождении первых летописных сводов². Установление государственности приписывается легендарным варягам, олицетворяемым русским князем Рюриком (по версии ПВЛ) или его сыном Игорем (по версии Н1Л).

Тезаурус летописной статьи в фрагменте, тождественном в ЛЛ и Н1Л, характеризуется использованием тезаурусной стратегии “разрушение

¹ Фрагмент общего в Н1Л и ЛЛ текста весьма незначителен, однако вес указанных доминант может быть увеличен с помощью тематически связанной лексики (варяги: **Рюрик** (2), **Трувор** (2), **Синеус** (2); **Новгород: словени** (2).

² А.Н. Насонов, ссылаясь на мнение А.А. Шахматова, утверждает, что источником этого летописного рассказа явилась киевская легенда, которая, скорее всего, даже не была известна в Новгороде [Насонов 2002]. Однако значимо само наличие такой легенды и ее включение в летописный свод.

размеренного мира – торжество злых стихий – восстановление порядка”.

Славянские племена изгоняют варягов-наемников, на славянской земле воцаряется произвол и братоубийство. Назревает потребность в упорядочивающем начале – князе: “И рѣша к сѣвѣ: князя поищем, иже бы владѣлъ нами и рядилъ ны по праву...” [Н1Л 2000, с. 106]; “земля наша велика и обильна, а наряда у нас нѣтъ...” [Н1Л 2000 с. 106]. Данные контексты демонстрируют связь лексем **князь** и **нарядъ** “порядок, устройство” [Срезневский 1988]. Таким гарантом устроенного мира предстает варяжский князь Рюрик. По своей функции Рюрик – герой-прародитель этноса, что подтверждается наличием таких лексем, как **родъ**, **начати**, **городъ**, **княжити**; параллелями “Призвания...” со “Сказанием о начале Русской земли”, ср.: “В лѣто 6362. Начало земли Рускои. Живяху каждо съ родомъ своимъ на своихъ мѣстѣхъ и странахъ, владѣюща каждо родомъ своимъ” [Н1Л 2000, с. 104] и “и вѣста родъ на родъ” [ЛЛ 1962, с. 19], “и избѣрашася 3 брата с роды своими” [ЛЛ 1962, с. 20]. В окружении Трувора и Синеуса Рюрик противопоставлен легендарным славянам – основателям Киева: Кию, Щеку и Хориву (предположительно выполняет замещающую функцию). Рюрик вокняжается в Новгороде и после смерти братьев становится первым единоподержцем на Руси, получившей название от его племени.

Помимо совпадающего фрагмента Н1Л, сохранившая “Начальный свод”, и ЛЛ обнаруживают существенные расхождения. Имплицитно содержащаяся в смоделированном нами эпизоде отсылка к именам Кия, Щека и Хорива, а также связь “Призвания...” с летописным рассказом “О убиении Аскольда и Дира Олегом и Игорем” [Н1Л 2000, с. 107] позволяет определить первоначальные границы летописной статьи этими маркерами. Таким образом, текст Н1Л, содержащей названные фрагменты, признаем первоначальным, что соответствует гипотезе А.А. Шахматова о “Начальном своде”.

Не вызывает сомнений, что различия Н1Л и основных списков ПВЛ

обусловлены положенной составителем ПВЛ на ранее слитное повествование погодной сетью.

Прагматикон всех источников характеризуется единой мотивировкой: в летописях проводится мысль, что варяжский род Рюрика или Игоря – единственная законная династия на Руси, а все остальные правители – узурпаторы. Такая позиция отвечает средневековой историографической традиции, где правящий род возводился к иноземному, чем устранялась возможность соперничества местных родов. “По мнению летописца, утверждение, что династия Рюриковичей уходит в глубокую древность, должна была поднять престиж кровного родства князей, укрепить их сознание братских уз, предотвратить усобицу” [Творогов 1979]. Н1Л, содержащая в “Призвании...” рассказ о коварном убийстве Аскольда и Дира, сохраняет довольно древние коннотации. Так, династия русских князей возводится к Игорю, что соответствует сведениям древнейших источников [Творогов 1979], центром государственной власти выступает Киев, что согласуется с киевским происхождением летописных известий, подчеркивается насильственный характер распространения государственной власти с севера на юг по оси Днепра: “и начаста воевати, и налѣзоста Днѣпръ рѣкѣ и Смолнескъ градъ. И оттолѣ поидоша внизъ по Днѣпру...” [Н1Л 2000, с. 107], убийство правителей Киева. Частотность лексем **варяги** (7) и **Новгород** (4), а также общее построение летописного рассказа позволяют предположить, что данное предание было включено в повествование в интересах князя, связанного с Новгородом и насильственно вокняжившегося в Киеве при помощи наемников-варягов. Данным критериям соответствуют два князя: Владимир Креститель, правивший в Новгороде, совершавший поездку на варяжскую родину и предательски убивший своего старшего брата киевского князя Ярополка, и Ярослав Мудрый, избавивший киевлян от Святополка Окаянного с помощью дружин новгородцев и варягов.

Заметим, что статья за 6524 (1016) г. о вокняжении в Киеве Ярослава на

событийном уровне обнаруживает параллели с “Призванием...”: новгородцы не вынесли унижений от варяжских дружинников Ярослава и вырезали наемников, вошедший в город Ярослав сурово покарал горожан. Но в ту же ночь из Киева пришла весть, что умер отец Ярослава Владимир и на стол сел Святополк. Поэтому Ярославу пришлось мириться с горожанами и срочно выступать на Киев с варяжскими и новгородскими дружинами. Хотя Святополк и был законным наследником, но имел дурную репутацию как “сын двух отцов” и отличался западными взглядами, чуждыми киевлянам. Ярославом Мудрым была учреждена Русская правда (*рядити по праву*). Однако на языковом уровне данные статьи обнаруживают принадлежность к различным текстологическим слоям [Гиппиус 2001, с. 165 – 166].

С другой стороны, историческая параллель с деяниями предков “реабилитирует” братоубийцу Владимира, вошедшего в историю как князь, украсивший Русь нарядом христианской веры.

Датировка “Призвания...” требует отдельного исследования и не может быть решена в рамках данной работы. Для нас же важно, что прагматическая организация летописного сообщения дает основания относить включение “Призвания...” в летопись в древнейший период русской историографии к X – н. XI вв., а “новгородская” природа сказания находит историческое объяснение.

Собственно говоря, “новгородский” элемент усилился, когда текст был разбит по летам. Относительно “Начального свода” ПВЛ имеет и иные отличия. Вследствие оформления в отдельную статью топонимического предания об Аскольде и Дире, а также вставки “о городах” смещается акцент с “завоевания Киева” на “собираение Русской земли”: “и раздая мѹжемъ своимъ грады, овомѹ Полотескъ, овомѹ Ростовъ, другомѹ Бѣлоозѣро...” [ЛЛ 1962, с. 21]; “Асколъдо же и Диръ ... начаста владѣт Польскою землею. Рюрику же княжаста в Новѣгородѣ” [ЛЛ 1962, с. 21]. Таким образом, в ПВЛ основание Русской земли соотносится не с захватом Киева, но с становлением городов, что соответствует прагматическим установкам

составителя летописного свода: эта вставка “... на рубеже XI – XII вв. соответствовала стремлению династии Рюрика – Игоря распространиться по областям (на Полоцк, на Смоленскую землю, в Ростово-Суздальском крае) и, таким образом, отражала актуальную политическую тенденцию” [Насонов 2002]. Изменение тезауруса связано с трансформацией тезаурусной стратегии. Например, вставкой: “к Р҃си: сице бо ся звах҃уть ти варязи Р҃чь, яко се друзии зов҃уться Ѡвен, друзии же Урмане и Англяне, инни Г҃ти, тако и си...” [Шахматов 1916, с. 19] – “Призвание...” вписывается в историко-христианский контекст введения (перечень норманнских народов обнаруживает параллели с так называемой “таблицей народов”). С помощью программы Word Tabulator v2.2.1 for Windows [Word Tabulator 1999 – 2002] нами была исследована данная вставка на наличие параллельных чтений. В качестве запроса использовались словоформы **ти, с҃ть, сице(с҃це)**. В ходе обработки материала помимо связи с “таблицей народов” была обнаружена параллель со сказанием о расселении славян: “... и прозвашася Ляхове, а от техъ Ляховъ прозвашася Поляне Ляхове, друзии Л҃тичи, инни Мазовшане, инни Поморяне, такоже и ти...” [ЛЛ 1962, с. 6], так же вводящим в контекст библейского (послепотопного) расселения народов.

Вставка “Ладожского предания”, произведенная составителем третьей редакции ПВЛ и дошедшая в текстах ИЛ, РЛ и АЛ, снимает с Новгорода “особую” роль в происхождении государственной власти на уровне тезауруса. Исчезает смысл, возникший как побочный продукт расчленения единого повествования по годам; еще в большей степени разворачивается географическая перспектива Русского государства. Таким образом, третья редакция сохраняет прагматическую организацию ПВЛ.

Итак, в ходе первого этапа исследования нами была построена модель “Призвания...” как компонента ЯЛ составителя ПВЛ. На уровне тезауруса нами обнаружена тезаурусная стратегия: “разрушение размеренного мира – торжество злых стихий – восстановление порядка”. В плане прагматической организации данной тезаурусной стратегии соответствует интенция

собираения Русских земель вокруг Киева и прекращения усобицы. Составителем ПВЛ извлеченная из источника тезаурусная стратегия была переструктурирована в соответствии с запросами современности. В качестве аргумента собирания власти в руках династии Рюриковичей было эксплицировано иноземное происхождение варяжской династии. Первые русские князья маркированы в ПВЛ как “чужие”— норманны, тогда как материал Н1Л свидетельствует, что изначально летописцем правящая династия воспринималась как исконная, “своя”: “и бѣша у него варязи мѹжи словенѣ, и оттолѣ прочии прозвашася рѹсью” [Н1Л 2000, с. 107].

2.1.3. Исследование лексических замен.

Материал разночтений “Призвания...” позволяет выделить следующие группы ЛЗ лексикона.

1. Адаптация лексических средств, которая проявляется в замене “чужой”, непонятной или просто устаревшей лексики на близкую и понятную летописцу, проникновении в текст областной лексики.

Так, синонимические ЛЗ **СҮДИТИ** (ЛЛ) – **РЯДИТИ** (АЛ, ИЛ, С1Л, Н1Л) – “пропуск“(РЛ): “поищемъ собѣ князя иже бы володѣлъ нами и сҹдилъ по правѹ” [ЛЛ, с. 19] и **ПРАВО**(ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ, Н1Л) – **ПРАВДА**(С1Л): “поищемъ собѣ князя иже бы володѣлъ нами и сҹдилъ по правѹ” [ЛЛ, с. 19] отражают процесс формирования древнерусской “правовой” терминологии.

Лексическая замена **ДНЄШНИИ** (С1Л_о, Н1Л) – **НЫНЄШНИИ** (С1Л_к) – “пропуск” (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ): “и сҹть новгородстии людие до днешнего дни от рода варяжска” [Н1Л, с. 106] вызвана проникновением в архаичный летописный язык живого, разговорного языка переписчика, разрушающего тавтологическое сочетание **днешнии днь**, характерное для книжного языка.

2. Примером замены “уникальной” лексемы на ее более частотный аналог служит разночтение **ВЛАДѢТИ**⁵ (ЛЛ, С1Л_о) – **КНЯЖИТИ**¹⁸ (ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л_к) – “пропуск” (Н1Л): “и начаста владѣ Польскою землею. Рюрику

же княжаста в Новѣгородѣ” [ЛЛ, с.21], когда в двух списках происходит независимая мена архаичного, свойственного начальной части ПВЛ глагола владѣти на распространенный как в ПВЛ, так и в продолжающем ее летописании глагол княжити.

К этой же группе относим ЛЗ **ОСТАТИСЯ**⁴ (ЛЛ, ИЛ, РЛ, С1Лк) – **СѢДѢТИ**⁵⁷ (С1Лo) – “пропуск” (Н1Л): “Аколѣдо же. и Дирѣ. остагта въ градѣ семь. и многи Варяги скүписта. и начаста владѣт Польскою землю” [ЛЛ, с. 21]. Замена возникла под пером писца Оболенского списка Софийской 1 летописи старшего извода под воздействием частотного в ПВЛ устойчивого сочетания “сѣдѣти въ градѣ”.

3. В ЛЗ **ОНИ** (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ) – **ТҮ СҮЩИИ** (С1Л) – “пропуск” (Н1Л): “они же рѣша была с҃уть 3 братья. Кни. Щекѣ. Хоривѣ. иже сдѣлаша градоко-сь. и изгнвоша” [ЛЛ, 20 – 21] замещается “темное” чтение списков – “они”. Трансформации тезауруса, предпринятые составителем ПВЛ, привели к смешению в рамках летописного рассказа оппозиции “свои – чужие”. Писец С1Л, контаминирующий чтения новгородского и общерусского летописания, придерживался общерусского источника, подновляя его подробностями новгородского источника, был таким образом, поставлен в затруднительное положение. Поэтому, по-видимому, им было принято решение адаптировать невразумительные чтения источников и заменить местоимение замещающим словосочетанием **т҃ү с҃ущии**. К “улучшающим” текст ЛЗ относится и разночтение **НАСЕЛЬНИКЪ** (ЛЛ, АЛ, РЛ, С1Л) – **НАСЛЕДНИКЪ**(ИЛ) – “пропуск” (Н1Л): “и по тѣмъ городомъ с҃уть находи“//ци Варязи а перьвии насельници в Новѣгородѣ Словѣне . [въ] Полотьски Кривичи...” [ЛЛ, с. 20]. Противопоставление варягов и словен как “пришельцев” и “жителей” во вставке составителя ПВЛ летописец ИЛ трансформирует в “те, кто наследовал” – “те, у кого наследовали”. Считаем, что происходит мена незнакомого на знакомое и ожидаемое.

4. Следующая группа ЛЗ лексикона связана с трансформациями

лексических маркеров синтаксических конструкций.

СУТЬ (ЛЛ) – **РУСЬ** (ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л) – “пропуск”(Н1Л): “идаша за море к варягомъ, к Руси: сице бо ся звахуть ти варязи Русь(ЛЛ: и варяги суть), яко се друзни зовуться **Свен**, друзни же **Урмане** и **Англяне**, инии **Гъти**, тако и си...” [ЛЛ, с. 19]. ЛЗ происходит в поясняющей вставке из таблицы народов, принадлежащей перу составителя ПВЛ [Шахматов 1916, с. 19]. С помощью программы Word Tabulator v2.2.1 нами были рассмотрены все контексты со словоформами **ти**, **суть**; **и**, **суть** в ЛЛ, РЛ, АЛ и Н1Л. Было обнаружено, что сочетание “**и суть**” является способом оформления уточняющих конструкций на всем протяжении избранных летописей, тогда как сочетание “**ти + имя собственное**” в начальной части ПВЛ характеризует поясняющие вставки во фрагментах, возводимых к деятельности составителя ПВЛ и структурно близких к извлечению из таблицы народов: “и прозвашася **Морава**. а друзни **Чеси** нарекоша^{ся}. а се ти же **Словѣни**” [ЛЛ, с.5]; “и прозвашася **Ляхове**. а от тѣхъ **Ляховъ** прозвашася **Поляне**. **Ляхове**. друзни **Лутичи**. инии **Мазовшане** инии **Поморяне** . такоже и ти ” [9; с.5]. Считаем, что писцом ЛЛ вместо окказионального чтения ПВЛ был избран более частотный маркер поясняющей конструкции. Аналогичную природу имеет связанная с предыдущей замена **И** (ЛЛ) – **ТИИ/ТЫ** (АЛ, ИЛ) – “пропуск”(РЛ, Н1Л, С1Л).

Лексическая замена **ТИ/ТИИ** (ЛЛ, РЛ, АЛ) – “пропуск”(ИЛ) – **И** (Н1Л, С1Л): “от тѣхъ [**Варягъ**] прозвася **Руская** земля **Новгородци** ти **суть** людье **Новгородци** от рода **Варяжска** . преже бо бѣша **Словѣни**” [ЛЛ, с. 20]. Чтения Н1Л и С1Л, а также выявленный с помощью программы Word Tabulator v2.2.1 маркер уточняющей конструкции **и суть** свидетельствуют о первичности чтений новгородских летописей. Очевидно, что замена местоимением **ти** союза **и** осуществляется по аналогии конструкции вставки из таблицы народов. Полученная таким образом конструкция “**ти суть**” – окказиональна, не имеет параллелей в тексте ПВЛ, а потому была исключена

составителем ИЛ как темное место.

В эту же группу включаем ЛЗ **ДРУГИИ** (ЛЛ, РЛ, АЛ) – **ИНЫИ** (ИЛ, С1Л) – “пропуск” (Н1Л): “**сице бо ся звахуть и. варязи суть. яко се друзии зъвуться Своє. друзии же Оурмане. Анъгляне друзии Гъте. тако и си**” [ЛЛ, с. 19], **ДРУГИИ** (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ) – **ИНЫИ** (С1Л) – “пропуск”(Н1Л): “**прия власть Рюрикъ . и раздая мужемъ своимъ грады. овому Полотескъ овому Ростовъ другому Бѣлоозеро**” [ЛЛ, с. 20], которые обусловлены варьированием указанных местоимений в рамках устойчивых конструкций перечисления.

Итак, ЛЗ лексикона свидетельствуют о преемственности словарного состава летописного текста вплоть до XIV – XV вв. Нами отмечены лишь отдельные случаи лексической адаптации; в целом лексикон “Призвания...” отражает универсализацию словаря ПВЛ: снятие маркированных элементов, замены индивидуальных чтений на распространенные в тексте.

При исследовании ЛЗ тезауруса мы решаем вопрос о преемственности последующими веками элемента картины мира, запечатленного в рассказе ПВЛ: остался ли он неизменным в списках, или же в летописном сюжете актуализировались скрытые ранее возможности, которые привели к созданию новой редакции, что характеризуется обилием потенциальных синонимов, переосмыслений, поясняющих и/или изменяющих содержание вставок, купюр.

ИЗГНАТИ(ЛЛ, ИЛ, С1Л, Н1Л) – **ВЫГНАТИ**(АЛ) – **БЫТИ**(РЛ): “**Изъгнаша Варяги за море и не даша имъ дани. и почаша сами в собѣ володѣти**” [ЛЛ, с. 19]

Выявленная в ходе анализа мировоззренческая модель оказалась продуктивной в отечественной историографии и получила дальнейшее развитие в идеологии Московского государства [Михайлов, Михайлова 1997-б]. Чтения списков свидетельствуют о закреплении в русском летописании пронорманнской позиции, актуализированной составителем ПВЛ. Более того, в РЛ даже усиливается эта интенция: в качестве причины усобицы

избирается отсутствие правящей элиты (**БЫВША ЗА МОРЕМ** – по аналогии с **и БЫВША В НИХЪ УСОБИЦИ**). Иначе осмысливается роль варягов в становлении русской государственности в С1Л, что отражено в ЛЗ **ИТИ** (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ, Н1Л) – **ПОСЛАТИ** (С1Л): “**идаша за море къ Варягомъ к Рүсі . сице бо ся звахуть и. варязи сүть**” [ЛЛ, с. 19]. В С1Л, напротив, подчеркивается независимость выбора восточных славян, оформленного “авторитетной” вставкой из византийского летописания. Таким образом, в указанных примерах по-разному решается конфликт – “иноземная династия у власти”, привнесенный составителем ПВЛ для обоснования исключительного(иноземного) характера власти Рюриковичей. Чтение **ити** свидетельствует, что летописцем была избрана позиция чужеземцев (которые таковыми в “Начальном своде” не являлись), тогда как чтение **послати** представляет позицию коренного населения.

РҮСЬ (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ) – **ДРҮЖИНА** (Н1Л, С1Л): “**и изъбращася 3 братья с роды своими. [и] пояша по собѣ всю Рүсь**” [ЛЛ, с. 20]. Несмотря на очевидную значимость данной замены для текстологической реконструкции, мы считаем, что нет оснований возводить эту ЛЗ на уровень прагматикона. Данная замена сигнализирует о различном наполнении тезауруса в текстах ПВЛ и “Начального свода” (Н1Л). Если чтение **дрүжина** не мотивировано в оппозиции “свои – чужие”, то чтение **Рүсь**, отсылающее к вставке норманнских народов, напротив, усиливает направленность текста ПВЛ на утверждение иноземного происхождения княжеской власти. Данная интенция подчеркивается связанным с существительным атрибутом, универсализирующим власть варягов: **ВЄСЬ** (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ) – **МНОГИИ/ПРЕДИВНЫЙ** (Н1Л, С1Л). Заметим, что, хотя чтение С1Л аналогично чтению Н1Л, принципы их возникновения различны: если в Н1Л данное чтение направлено на описание предтеч киевских князей, то в С1Л, содержащей вставку о норманнах, выбор “новгородской” версии скорее обусловлен интересом к подробностям.

ОНА (ЛЛ, ИЛ,РЛ,АЛ,С1Л) – **МЫ** (Н1Л): “**вся земля наша велика и обилна . а наряда в ней** (Н1Л: у нас) **нѣтъ . да поидѣте княжитъ и володѣти нѣми**” [ЛЛ, с. 19]. Поверхностно данная замена относится лишь к уровню лексикона: представляет собой варьирование средств оформления тематической отсылки. Однако в контексте связанных с данным местоимением лексем: **зѣмля, нарядъ, княжити, володѣти** мена местоимения 1 лица на местоимение 3 лица свидетельствует о смещении точки зрения на описываемые события с “происхождения нашей, киевской государственности” на “происхождение династии Рюриковичей”.

Таким образом, материал ЛЗ тезауруса “Призвания...” свидетельствует о преимуществах выявленной тезаурусной стратегии, возводимой к глубокой древности и дошедшей без существенных изменений до к. XV в. С другой стороны, произошедшая на этапе создания ПВЛ модификация содержания шаблона нашла отражение в ЛЗ, что проявляется в противопоставлении основных списков ПВЛ и Н1Л и выравнивании в летописных сводах семантических “дефектов” составителя ПВЛ.

На уровне прагматикона нами не отмечено ЛЗ, что свидетельствует о тождественном прагматическом устройстве “Призвания...” в проанализированных нами летописях и противопоставляет их параллельные чтения не как различные произведения письменности, но как варианты одного произведения.

Итак, “Призвание варяжских князей” посвящено вопросу происхождения государственной власти на Руси. На первом этапе исследования нами была выявлена тезаурусная стратегия “изгнание сил порядка – хаос – возвращение и воцарение гармонии”, которая была использована автором к. X – н. XI в. для описания происхождения Киевского государства. Прагматически данное повествование было ориентировано на утверждение власти киевских князей. В соответствии с политической обстановкой к. XI – XII вв. составителем ПВЛ данная тезаурусная стратегия была использована для обоснования необходимости единого государства с правящей династией Рюриковичей.

Летописная статья получила направленность на прекращение усобицы и соответствовала тенденции собирания русских земель. Составителем ПВЛ данное сказание было включено в контекст библейской историографии. Для обоснования исключительности Рюриковичей была разработана тема иноземного происхождения правящей династии. Переработка повествования не могла не отразиться на организации повествования, что проявилось в невольном акцентировании роли Новгорода в создании государства. Данный недочет был устранен в редакции 1118г.

В целом идея иноземного происхождения правящей династии оказалась востребованной средневековой историографией, свидетелями чему являются летописные своды XIV – XV вв., не несущие следов серьезной переработки материала ПВЛ (основными причинами ЛЗ являются адаптация устаревшей лексики и снятие противоречий, возникших на этапе создания ПВЛ).